

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

ЛУГЪ ЗЕЛЕНЫЙ

КНИГА СТАТЕЙ

Книгоиздательство «АЛЬЦІОНА»

БАЛЬМОНТЪ.

I.

Поэзія К. Д. Бальмонта имѣетъ нѣсколько стадій. «Въ безбрежности» и «Тишина» вводятъ насъ въ мистицизмъ тумановъ, камышей и затоновъ, затерянныхъ въ необъятности сѣверныхъ равнинъ, какъ угрюмый кошмаръ, пронизываютъ міровыя пространства эти равнины, собирая туманы. Это взыванія Вѣчности къ усмиреннымъ, это — воздушно золотая дымка надъ пропастью, или сладкоонѣмѣлые цвѣты, гаснушіе въ сумерки вечеровъ. Это — золотая звѣзда, это — сѣрая чайка. Это — пѣсня сѣверныхъ лебедей.

Мутныя волны хаоса, отливающія краснымъ заревомъ, изступленные крики замерзающихъ въ холодѣ безбрежности, первое вѣянье будущихъ грозъ и громовыхъ раскатовъ, уродливые изломы порока — вотъ что неожиданно поражаетъ въ «Горящихъ зданіяхъ». Тутъ рѣшительный перегибъ отъ буддійской онѣмѣлости и величаваго холода къ золотисто-закатному, винному пожару діонисіанства.

Знойные потоки солнечной свѣтозарности омываютъ насъ вѣчной лаской, когда раздаются звуча-

няя строки о томъ, что мы «будемъ какъ солнце». Орлиный взлетъ къ обаятельному томленію іюльскихъ дней и къ печали пожарныхъ закатовъ.

Сборникъ «Только любовь», соединяя разрозненныя черты нѣсколькихъ періодовъ творчества К. Д. Бальмонта, не является однако новымъ взлетомъ въ вышину. Онъ—только полнѣе, многозвучнѣе, многоцвѣтнѣй, заканчивая какой-то большой періодъ творчества. Вотъ почему удачна мысль назвать его семицвѣтникомъ.

До послѣдняго времени чистая поэзія приближалась къ музыкѣ. Музыка отъ Бетховена до Вагнера и Р. Штрауса рисовала параболу по направленію къ поэзіи. Въ развитіи философской мысли тоже наблюдались признаки, сближающіе ее съ поэзіей. Проблематическая точка, гдѣ поэзія, музыка и мысль сливаются въ нѣчто нераздѣльное, неожиданно приблизилась къ намъ. Эта точка—мистерія.

Все меньше и меньше великихъ представителей эстетизма. Среди поэтовъ все чаще наблюдаются передвиженія въ область религіозно-философскую. Ручьи поэзіи переливаются въ теургію и магію. Для чистой поэзіи наступаетъ пора осени. Тѣмъ драгоцѣннѣе, тѣмъ прекраснѣе лепестки еще неугасшихъ цвѣтовъ, отливающіе краснымъ и синимъ жаромъ:

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора...

Весь міръ тогда одѣвается въ золото, и деревья трепещутъ яхонтовыми подвѣсками. Бальмонтъ послѣдній русскій великанъ чистой поэзіи—представитель эстетизма, переплеснувшего въ теософію. Теософскій налетъ этой поэзіи, сохранившей еще дѣвственность, и есть признакъ ея осени. Лучъ заходящаго солнца, упавъ на гладкую поверхность зеркала, золотитъ его бездной блеска. И потомъ, уплывая за солнцемъ, гаситъ блескъ. Бальмонтъ—сіяющее зеркало эстетизма, горящее сотнями яхонтовъ. Когда погаснетъ источникъ блеска, какъ долго мы будемъ любоваться этими строчками, пронизанными свѣтомъ. Беззакатныя строчки напомнятъ намъ закатившееся солнце, осени первоначальной короткую, золотую пору.

*

Бальмонтъ—залетная комета. Она повисла въ лазури надъ сумракомъ, точно рубиновое ожерелье. И потомъ сотнями красныхъ слезъ пролилась надъ заснувшей землею. Бальмонтъ—заемная роскошь кометныхъ багрянцевъ на изысканно-нѣжныхъ пятнахъ пунцоваго мака. Сладкій аромат розовѣющихъ шапочекъ клевера, вернувшихъ намъ память о дѣтствѣ.

Снопы солнечнаго золота растопили льды, и вотъ оборвался съ вершины утеса звенящій ручей. Не перетягиваютъ ли вдали ниспадающія нити жемчужинъ, какъ струны, вѣчно натяну-

тыя на груди утеса? Длинное узкое облачко перерѣзало утесъ. Вотъ оно ползетъ, будто легкой смычекъ, извлекая жемчужные вздохи счастья. Въ грозовомъ разрывѣ дымныхъ глыбъ замелькалъ намъ, какъ молнія, атласный, рубино-алый платокъ. Опять ниспалъ «міровой, закатный рубинъ» въ небесномъ «пирѣ пламени и дыма».

Кто-то великій и нѣжный, «сознавшій свою бездонность», развелъ на полянѣ «дымно блестящій» костеръ. «Желтымъ вихремъ» закружилось, танцуя, лапчатое пламя, а когда онъ сталъ бить молотомъ по горящимъ головнямъ—стаи красныхъ шмелей отрывались отъ огненныхъ, плещущихъ лепестковъ—кружась и жужжа, окунались въ хаосъ ночи.

Кто-то, года собиравшій всѣ брызги солнца, устроилъ праздникъ. Изъ ракетъ и римскихъ свѣчъ онъ выпустилъ миллионы гіацинтовъ. Онъ разукрасилъ свой причудливый гротъ собранными богатствами. На перламутровыхъ столахъ наставилъ блюда съ рубиновыми орѣшками. Золотые фонарики Вѣчности озарили. Онъ возлегъ въ золотой коронѣ. Ложемъ ему служилъ блѣдно-розовый кораллъ, и онъ ударялъ въ лазурно-звонкіе колокольчики. И онъ разбивалъ звонкіе колокольчики рубиновыми орѣшками. Снѣжно-пѣнный каскадъ срывался у входа съ утесистой кручи, словно море ландышей. Кто-то нырялъ въ

пѣнную глубину. И вновь выходилъ на сушу. Съ кудрей его, какъ брызги, ниспадали бѣлые ландыши. Сонный лебедь плавалъ на холодныхъ струяхъ.

И когда лучезарная, перламутровая раковина показалась на горизонтѣ, мракъ сталъ рѣдѣть. Кто-то сѣлъ между крыльями бѣлаго лебедя и понесся, ликуя, въ водоворотѣ утренней бирюзы. То, что несло, возносясь, казалось, растянутымъ облачкомъ: вотъ оно перерѣзало утесъ. Какъ струны, натянутыя на груди утеса, ниспадали жемчужныя, вѣчныя струи.

Узкое облачко, какъ легкій смычокъ, заскользило на струнахъ, и опять раздались вздохи счастья. День кончался.

Сгущались сумерки. Стаи красныхъ шмелей уносились куда-то. Золотой край ризы опрокинулся за горизонтъ — помчался караванъ свѣта въ холодныхъ безднахъ міровыхъ пустынь. Тучка свѣтового тумана полетѣла отъ насъ, и мы сказали, подавляя вздохъ: «Опять надъ землей возсіяла комета!.. Вотъ уходитъ она въ Вѣчность, благословляя снопомъ прощальныхъ огней!..»

*

Бальмонтъ—золотой прощальный снопъ улетающей кометы эстетизма. Блуждающая комета знаетъ хаотическій круговоротъ созвѣздій и временные круги, «и миллионы лѣтъ въ эфирѣ, окутанномъ угрюмой мглой».

Бальмонтъ теософъ, «пронзившій свой мозгъ солнечнымъ лучомъ», заглянувшій въ міровое. Въ міровомъ разбрызганы брилліанты звѣздъ съ ихъ опьяняющей музыкой, яркими цвѣтами и ароматами.

Въ музыкальныхъ строкахъ его поэзіи звучить намъ и граціозная меланхолія Шопена, и величіе вагнеровскихъ аккордовъ—свѣтозарныхъ струй, горящихъ надъ бездною хаоса. Въ его краскахъ разлита нѣжная утонченность Боттичелли и пышное золото Тиціана.

1904.